

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ МЕСТА СОЦИАЛЬНОЙ ПАМЯТИ

Рассматриваются факторы, определяющие мобилизующий потенциал археологических источников; характеризуется роль археологии в формировании социальной памяти национального сообщества. Консолидирующие свойства археологических источников оцениваются с точки зрения таких свойств мест социальной памяти, как способность к объективации социальных явлений, регулярность, престижность, конвенциональность и тривиальность.

Ключевые слова: археология; социальная память; псевдоархеология; национализм.

В начале XIX в. археологи включились в производство версий прошлого, в которых в качестве универсальных субъектов исторического процесса выступали нации. При этом в «предках» подчеркивались личностные характеристики, которые высоко ценились в настоящем [1. С. 2]. Исторические нарративы, кристаллизуясь со временем в виде элементов социальной памяти, обеспечивают легитимность национальных государств [2], в том числе и не имеющих древней истории, таких как США [3. С. 49–50]. Сакрализация власти с помощью обращения к древним верованиям, языкам и символам превращает национальную идеологию современных государств в гражданскую религию. Без археологии поставить современное национальное сообщество в контекст древней истории и дать историко-культурное обоснование национальному единству было бы невозможно или крайне затруднительно [4. С. 1–13]. Археология дает культурно-историческое обоснование новой политической идентичности, которая выступает в качестве альтернативы традиционным религиозным и династическим принципам политической лояльности. К примеру, египетский национализм, опираясь на славу Древнего Египта, который активно изучался и был очень популярен в Европе во второй половине XIX в., смог провести границу с арабской и турецкой идентичностью, что в конечном итоге привело к провозглашению египетской нации в 1919 г. [5. С. 214]. Более того, археология может служить обоснованием текущей политической ситуации. К примеру, работы, объясняющие гибель цивилизации майя неадекватностью бюрократических механизмов, появлялись во время масштабного сокращения государственного аппарата США [6. С. 316].

Стремление отделить политическую конъюнктуру от науки заставляет археологов обращаться к проблемам методологии, раскрывающим сущность исторического сознания, его взаимоотношений с другими формами восприятия прошлого. В связи с этим в последние годы археологов все чаще привлекают вопросы социальной памяти. Внимание при этом сосредоточено как на проявлениях самого феномена в древности, так и на его роли в процессе познания (см.: [7–9]). Природа социальной идентичности превращает прошлое, представленное в виде интегрирующих символов, в один из главных факторов солидарности. «Социальным группам необходимы свидетельства своего существования в прошлом, – пишет Дж. Тош, – но им требуется такая картина прошлого, которая

служит объяснению или оправданию настоящего, часто за счет исторической достоверности» [10. С. 14]. Актуальность проблемы общественно-политического контекста археологической науки связана с постоянно расширяющейся практикой использования древнего прошлого в целях политической мобилизации. Материалы археологии, в силу особенностей предмета и методов науки, обладают с точки зрения конструирования социальной идентичности специфическими качествами, систематизация которых – основная цель данной работы.

Качественные характеристики исторического сознания и социальной памяти наиболее контрастно проявляются при попытках их разграничения. Будучи объективно неотделимы друг от друга, история и память постоянно находятся в состоянии либо конфликта, либо неустойчивого консенсуса [10. С. 11–15; 8. С. 531–540; 11. С. 42–43; 12. С. 93–94]. При этом характерной чертой памяти является ее ориентированность на современность. «Память, – отмечал Ю.М. Лотман, – скорее всего можно представить как генератор, воспроизводящий прошлое заново, способность в результате некоторых импульсов включать генерирование мыслимой реальности, переносимой сознанием в прошлое. Способность эта часть общего процесса мышления и неотделима от него» [13. С. 384].

Автор первого крупного исследования посвященного проблемам социальной памяти М. Хальбвакс понятия «память» и «история» противопоставлял. Если память ориентирована на поиск сходства и преемственности, то история ищет разрывы преемственности и отличия. Память показывает группу изнутри, формируя такой образ ее прошлого, чтобы она всегда могла себя с ним идентифицировать. История же, напротив, сосредоточена на изменениях как процессе или результате [14. С. 384].

По мнению Д. Лоуэнталя, различие между памятью и историей следует искать не только в способе приобретения и подтверждения знания о прошлом, но и в том, каким образом оно передается, сохраняется и изменяется. История, по Лоуэнталю, не подвержена случаю; основанная на фактах, она всегда может быть пересмотрена. В то же время история в меньшей степени поддается изменениям, в отличие от воспоминаний она не меняется в угоду текущему политическому моменту [15. С. 336–338].

В качестве отличительных свойств памяти П. Нора отмечает ее динамичность, избирательность, игнорирование процесса, стихийность. Нора рассматривает

образы социальной памяти как точки в ее символическом пространстве – топосы, которые акцентируют внимание на явлениях прошлого, обеспечивающих социальное единство. Им были охарактеризованы четыре типа мест социальной памяти. Во-первых, топографические места памяти, «полностью зависящие от их точной локализации». К ним относятся туристические места, архивы, библиотеки, музеи и т.д. Во-вторых, монументальные места памяти, которые представлены, прежде всего, архитектурными сооружениями. В-третьих, функциональные места памяти, к ним Нора относит учебники, мемуары, хрестоматии и т.д. Наконец, в-четвертых, символические места памяти – всевозможные памятные мероприятия, паломничества и т.д. [16].

С функциональной точки зрения можно выделить следующие свойства мест социальной памяти. Во-первых, свойства социальной памяти детерминированы их главной функцией – объективировать социальные отношения и обеспечивать мобилизацию сообщества. Во-вторых, они должны вызывать сильные чувства, лучше всего – являться предметом гордости, соответствовать принятым критериям престижности. В-третьих, они должны быть конвенциональны – образ сообщества должен иметь одинаковое значение для всей группы, он теряет смысл, если провоцирует внутренний конфликт [17. С. 142]. В-четвертых, места социальной памяти должны быть регулярными, легко воспроизводиться и, следовательно, легко рутинизироваться. «Граждане сложившихся наций не принимают каждый день сознательного решения о необходимости дальнейшего существования нации. С другой стороны, нация и не воспроизводится сама собой. Для этого необходимы банальные практики, а не сознательный выбор или коллективные акты воображения» [18. С. 36]. Из этого вытекает еще одно неотъемлемое качество социальной памяти – ее содержание должно быть простым. Тривиальность, как и рутинность – ключевое свойство любых институциональных значений: «Поскольку человеческие существа зачастую ленивы и забывчивы, должны существовать процедуры – если необходимо, принудительные и вообще малопривлекательные, – с помощью которых эти значения могут быть снова запечатлены в сознании и запомнены. Но так как человеческие существа зачастую еще и глупы, то в процессе передачи институциональные значения упрощаются настолько, чтобы набор институциональных формул можно было легко выучить и запомнить последующим поколениям» [19. С. 117].

Главное преимущество археологических мест социальной памяти заключается в том, что древнее прошлое исказить или представить в нужном свете значительно проще. Это связано с известной ограниченностью и фрагментарностью археологического источника и, как правило, наличием большого числа противоречивых интерпретаций. С точки зрения конструирования социальной реальности большое значение имеет то, что древние сообщества «много легче изобразить в виде культурных целостностей и наделять их единой волей, превратив в коллективных бы-

линных богатырей, культурных героев» [20. С. 279]. Это позволяет отождествлять археологические источники с социальными организациями и устанавливать их непосредственную связь с современными сообществами. Характерным приемом, присущим в большей степени псевдонаучным произведениям, стал монизм, выражающийся в отождествлении лингвистических, культурных, расовых, генетических феноменов с археологическими источниками, и позволяющий строить произвольные социологические реконструкции. К примеру, сравнения элементов орнамента, гаплогрупп, археологических культур и этнических общностей привели А.А. Клесова и А.А. Тюняева к выводу, что «праславяне (арии)» жили в V тыс. до н.э. на территории современного Китая [21. С. 279].

Престижность археологических мест социальной памяти предопределяется их древностью. «Популярно мнение, – отмечает В.А. Шнирельман, – что многовековая преемственность придает особый престиж культуре и заставляет считаться с ее носителями, позволяя им претендовать на высокий социальный статус» [20. С. 280]. В идее первичности проявляются психологические особенности понимания престижа. Яркий пример – пилтдаунская история. При всем скепсисе, который существовал в отношении этой находки в научном мире, важную роль в ее признании и популяризации сыграли ожидания английского общества. Накануне Первой мировой войны национализм переживает период рассвета во всем мире, а находка древнейшего человека позволяла испытывать чувство гордости за свою нацию, а вместе с тем и превосходство по отношению к французским и немецким древностям [22. С. 184].

Стремление к максимальному удревнению своих исторических корней приводит к тому, что ключевой для любого сообщества вопрос о происхождении также оказывается связан с археологическим наследием. Эдвард Саид отмечал, что «происхождение – это молчаливая нулевая точка, замкнутая в себе самой», которая доминирует над тем, что из нее исходит [23. С. 69]. Это событие занимает одно из центральных мест социальной памяти, является своего рода точкой отсчета, обращение к которой способствует развитию и укреплению чувства солидарности. Как подчеркивал П. Рикер, «невозможно представить себе сообщество, которое бы не праздновало, с большей или меньшей степенью мифологизации, собственное появление на свет» [24. С. 23]. Универсальный характер потребности больших сообществ к изобретению «золотого века», великого прошлого славных предков перекликается с фрейдистской традицией, рассматривающей в качестве ключа к пониманию личности события глубокого детства [4. С. 20]. В то же время престижность сама по себе зависит от сложившейся системы ценностей, что хорошо проявляется в случае с государственной идеологией. К примеру, в СССР проблема норманизма была важнейшим политическим вопросом, который с 1930-х гг. разрешался в основном средствами археологии [25. С. 37–89]. В 1982 г. прошло масштабное празднование 1500-летия Киева, были проведены многочисленные мемориаль-

ные мероприятия. Дополнительную символичность этому событию придавал еще один юбилей, связанный с идеей зарождения государственности – 60-летие образования СССР. В вышедшей к празднованию книге Б.А. Рыбакова предпринимается попытка, во многом опираясь на археологические находки, доказать, что Киев с VI в. являлся центром древнерусской государственности, зарождавшейся на основе слившихся с Русью полян [26. С. 107]. Праздновать образование столицы соседнего государства или захват князем Олегом Киева в 882 г. не совсем логично и корректно с точки зрения текущего политического момента. Очевидно, поэтому была возрождена традиция празднования легендарного призвания новгородцами Рюрика, и осенью 2012 г. страна отпраздновала 1150-летие российской государственности.

Конвенциональность археологических мест социальной памяти связана с тем, что исторические события, в отношении которых отсутствует национальный консенсус, всегда тесно связаны с текущим политическим контекстом, и их конфликтность будет угасать по мере удаления от современности. Артефакты выглядят пустыми сосудами, которые можно наполнять любым, порой самым парадоксальным, общественно-политическим смыслом. В то же время политические претензии к археологическим данным проявляются со стороны общественности значительно слабее. С точки зрения эмоциональной остроты и психологической вовлеченности дискуссии по этим вопросам менее конфликтны и, как правило, остаются на уровне историографии. Если мотивационные формулировки «моего деда раскулачили» или «если бы не Горбачев» с точки зрения обывательского восприятия прошлого выглядят естественными, то претензии к скифам или древним тюркам требуют небанальных творческих усилий, что препятствует их широкому распространению.

Тривиальность археологических мест социальной памяти определяется их вещественностью. «Наглядность археологических источников – их большое преимущество в пропаганде исторических знаний» – отмечал А.Л. Монгайт [27. С. 65]. В качестве археологического источника может выступать единственная вещь, что делает их легкодоступными для восприятия. При этом их историческое и общественное значение кажется очевидным и убедительным. Это позволяет задействовать археологические источники в различных формах презентации прошлого, ориентированных на самую широкую аудиторию. К примеру, олень «золотые рога» из кургана Иссык изображен на казахстанских денежных знаках.

Вещественность предопределяет и возможности рутинизации археологических мест социальной памяти. Исторически роль регулярной презентации прошлого играли музеи. Первые специализированные археологические музеи появляются в начале XIX в. Развитие демократических процессов приводит к трансформации закрытых частных собраний древностей в национальные музеи. При этом, как замечает Б. Андерсон, «музеи и музейное воображение в глубине своей политичны» [28. С. 196]. Используя коллекции для обоснования тех или иных историософ-

ских и политических концепций, в которых нуждается общество или его элита, музей играет огромную роль в формировании социальной памяти [29. С. 24]. Экспозиция, построенная по хронологическому принципу, сама по себе указывает на историческую преемственность культуры сообщества с культурой предшествующих периодов, уходящей в глубокую древность.

Еще одно свойство археологических памятников упрощает их рутинизацию в качестве мест социальной памяти – они как правило четко географически привязаны и вписаны в историко-культурный ландшафт. Это позволяет формировать на их основе топографические места памяти. Часто археологические памятники ставятся в один смысловой ряд со скульптурными и архитектурными памятниками. Туристические, научные и культовые посещения памятников дополнительно концентрируют на них внимание общественности. Благодаря этому археологические объекты могут играть исключительную роль в оформлении восприятия национальной территории. В частности, Янис Хамилакис показал, какое значение для формирования греческой нации сыграла территориальная самоидентификация, которая начала проводиться на основе античных памятников еще до начала войны за независимость. При всей важности древнегреческой мифологии и культуры, нация нуждалась в материальных ориентирах, которые своей осязаемостью придавали ей дополнительное ощущение реальности [30. С. 79].

Вещественность и наглядность археологических памятников упрощают их использование в качестве национальных символов. Государственная символика естественным образом входит в повседневность и является важнейшим фактором формирования социальной памяти. Задействование археологической тематики в государственной символике широко распространено на постсоветском пространстве. Один из примеров – герб Республики Саха. На нем изображен всадник-знаменосец, оригинал которого был обнаружен на скалах у деревни Шишкино на реке Лене академиком А.П. Окладниковым. Окладников отнес эти изображения к раннесредневековой курумчинской археологической культуре VI–X вв. и связал ее с описанным в китайских источниках народом – курыканами. «В мифологии же бурят и якутов, – отмечал Окладников, – дошли до нас отголоски курыканского эпоса, отголоски тысячелетних легенд» [31. С. 74]. Именно отождествление якутов с курыканами определяет содержание герба Республики Саха.

Еще одним способом рутинизации археологических мест социальной памяти являются школьные программы и учебники. М. Ферро пишет: «Не нужно себя обманывать: образ других народов или собственный образ, который живет в нашей душе, зависит от того, как в детстве нас учили истории» [32. С. 8]. На многочисленных примерах В.А. Шнирельман показывает, что национальный дискурс в школе основывается на декларации прямой преемственности современных государств народам, населявшим эти территории в древности [33]. В итоге по-

лучается стройная картина последовательного развития народа-государства, в которой периоды до появления письменных источников представляют сменяющие друг друга археологические культуры.

Важнейшим современным фактором формирования социальной памяти являются СМИ. И здесь археологические памятники, приправленные легендарной историей, иногда с откровенно мистическим налетом, также обладают значительными преимуществами, привлекая широкую аудиторию и обеспечивая коммерческую прибыль [34. С. 157]. По этой же причине образы археологии широко используются массовой культурой. В свою очередь вовлеченность широкой общественности в процесс потребления прошлого создает еще одно проблемное поле – экономическое. Коммерческая эксплуатация археологических мест социальной памяти особенно рельефно проявляется в туристической индустрии [35]. С одной стороны, привлечение средств туристического бизнеса позволяет проводить новые исследования, обустроить археологические объекты, формировать на их основе музейные площадки, в целом популяризировать археологическую науку. Однако у взаимоотношений археологии и бизнеса есть и другая сторона. Для привлечения клиентов туристический бизнес формирует коммерческую версию археологического объекта, что зачастую сопровождается упрощением его исторического содержания или вовсе выдумкой. Проблема заключается в том, что использование археологии туризмом неизбежно сопровождается искажением археологического знания. Богатство рекреационных ресурсов при слабой изученности историко-культурного наследия в национальных республиках заставляло туристический бизнес России прокладывать новые маршруты без должного научного сопровождения, т.е. фантазию экскурсоводов ничто не ограничивало. Влияние на общественное сознание таких объектов сложно переоценить, ведь через них проходят тысячи туристов, на них трудятся многие местные жители (иногда это единственное средство существования целых населенных пунктов), производится и распространяется соответствующая литература, создаются всевозможные информационные поводы. Особенно интенсивно археология эксплуатируется в политически нестабильных странах и регионах, где туристическая индустрия играет ключевую роль.

В качестве одного из последних примеров сочетания усилий ученых, бизнеса и государства в конструировании археологического места социальной памяти можно привести открытие кузбасскими археологами «кабырзинской принцессы». Археологи Кузбасской этноэкологической экспедиции, выполняя заказ председателя Кемеровского областного Совета народных депутатов Н.И. Шатилова и главы Таштагольского

района В.Н. Макуты, раскопали в районе поселка Усть-Кабырза в Горной Шории женское захоронение, которое сопровождал «богатый погребальный инвентарь: глиняный орнаментированный сосуд, бронзовый нож в ножнах, бронзовые и каменные бусы, бронзовое зеркало и шейная гривна» [36. С. 194]. Очевидно, в контексте планируемого создания туристического комплекса погребенная была провозглашена «принцессой»: «Возле некрополя “Кабырзинской принцессы”, на другой стороне ручья, по тропе, ведущей на культовую шорскую гору, будет размещена реконструкция стана древних литейщиков и рыболовов». Средствами массовой информации «кабырзинская принцесса» была провозглашена подругой «йети» – другого бренда, активно раскручиваемого в Кемеровской области («У кузбасского йети появилась подруга»). Таким образом, информационное сопровождение туристического проекта поспособствовало формированию нового места национальной памяти шорцев, которое фактически сразу же приобрело конфликтный характер. В частности, авария на Саяно-Шушенской ГЭС была объявлена местными шаманами «мстью принцессы». Можно не сомневаться, что в случае изменения социально-экономической ситуации в Кузбассе «кабырзинская принцесса» обретет свой народ, и чем это закончится, в частности, для потревоживших ее ученых, вряд ли кто-нибудь возьмется предсказать. Тем более что у сибирской археологии уже имеется подобного рода негативный опыт: общественная ситуация вокруг «кабырзинской принцессы» очень схожа с открытием «принцессы Укока», следствием которого стали неутраченные почти двадцать лет национальные страсти и мораторий на проведение археологических работ на юге Горного Алтая [37. С. 44]. Но двадцать лет назад была иная общественно-политическая ситуация, сама находка была иного научного и культурного уровня, и главное, не было двадцатилетнего опыта выстраивания археологами отношений с национальной общественностью.

Таким образом, археологические места социальной памяти благодаря способности к объективации социальных явлений, регулярности, престижности, конвенциональности и тривиальности позволяют с особой идеологической силой удерживать субъект в поле притяжения политического сообщества. Это означает, что исторические интерпретации археологии не могут рассматриваться вне общественно-политического контекста. Поскольку современная методология не проводит жесткой границы между историческим сознанием и социальной памятью, неизбежно актуализируются проблемы псевдонауки. Невозможность получения рафинированного исторического знания заставляет археологов в последние годы активнее обращаться к проблемам профессиональной этики.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Silberman N.A.* Between Past and Present: Archaeology, Ideology, and Nationalism in the Modern Middle East. New York : Henry Holt, 1989.
2. *Diaz-Andreu M.A.* World history of Nineteenth-Century Archaeology, Nationalism, Colonialism, and the Past. Oxford ; New York, 2007.
3. *Silberman N.A.* Promised lands and chosen peoples: the politics and poetics of archaeological narrative // Kohl Ph.L., Fawcett C. (eds). Nationalism, Politics, and the Practice of Archaeology. Cambridge, 1995. P. 249–262.

4. Kohl Ph.L., Kozelsky M., Ben-Yehuda N. Introduction // *Selective Remembrances: Archaeology in the Construction, Commemoration, and Consecration of National Pasts*. Chicago, 2007. P. 1–31.
5. Hassan F.A. Memorabilia Archaeological materiality and national identity in Egypt // *Archaeology Under Fire. Nationalism, Politics and Heritage in the Eastern Mediterranean and Middle East*. London, 1998. P. 200–216.
6. Wilk R.R. The Ancient Maya and the Political Present // *Journal of Anthropological Research*. 1998. Vol. 41. 3. P. 307–326.
7. Van Dyke R.M., Alcock S.E. Archaeologies of Memory: An Introduction // *Archaeologies of Memory*. Oxford, 2003. P. 1–15.
8. Шнирельман В.А. Российская школа и национальная идея // *Неприкосновенный запас*. 2006. № 6. С. 232–249.
9. Boric D. Introduction: Memory, archaeology and the historical condition // *Archaeology and Memory*. Oxford, 2010. P. 1–35.
10. Тош Дж. Стремление к истине. М. : Весь мир, 2000.
11. Репина Л.П. Память и историописание // *История и память: Историческая культура Европы до начала Нового времени*. М. : Кругъ, 2006.
12. Мегилл А. Историческая эпистемология. М. : Канон, 2007.
13. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек-текст-семиосфера-история. М. : Языки русской культуры, 1996.
14. Ассман Я. Культурная память. М. : Языки славянской культуры, 2004.
15. Лоуэнцаль Д. Прошлое – чужая страна. СПб. : Владимир Даль, Русский остров, 2004.
16. Nora P. Between Memory and History: Les Lieux de Mémoire // *Representations*. 1989. № 26. P. 7–24.
17. Репина Л.П. Концепции социальной и культурной памяти в современной историографии // *Феномен прошлого*. М. : ГУ-ВШЭ, 2005. С. 122–170.
18. Биллиг М. Повседневное напоминание о Родине // *Логос*. 2007. № 1 (58). С. 34–71.
19. Береггер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М. : Медиум, 1995.
20. Шнирельман В.А. Президенты и археология, или что ищут политики в древности: далекое прошлое и его политическая роль в СССР и в постсоветское время // *Ab imperio*. 2009. № 1. С. 279–325.
21. Клёсов А.А., Тюняев А.А. Происхождение человека (по данным археологии, антропологии и ДНК-генеалогии). М. : Белые альфы, 2010.
22. Goulden M., Balmer A.S. Almost Human: Scientific and Popular Strategies for Making Sense of "Missing Links" // *Contested Categories: Studies of the Life Sciences in Society* / Bauer S., Jessen H., Wahlberg A. (eds.). Hampshire, 2009. P. 181–203.
23. Эткнд А.М. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. М. : Новое литературное обозрение, 2013.
24. Зорин А.Г. Корня двуглавого орла... М. : Новое литературное обозрение, 2001.
25. Клейн Л.С. Спор о варягах. СПб. : Евразия, 2009.
26. Рыбаков Б.А. Киевская Русь и киевские княжества XII–XIII вв. М. : Наука, 1982.
27. Монгайт А.Л. Археология и современность. М. : Академия наук, 1963.
28. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышление об истоках и распространении национализма. М. : Канон-пресс-Ц, Кучково поле, 2001.
29. Шнирельман В.А. Музей и конструирование социальной памяти: культурологический подход // *Этнографическое обозрение*. 2010. № 4. С. 8–26.
30. Hamilakis Y. The Nation and its Ruins: Antiquity, Archaeology, and National Imagination in Greece. New York, 2007.
31. Окладников А.П. Олень золотые рога. Хабаровск : Хабаровское книжное издательство, 1989.
32. Ферро М. Как рассказывают историю детям в разных странах мира. М. : Высшая школа, 1992.
33. Шнирельман В.А. Очарование седой древности: Мифы о происхождении в современных школьных учебниках // *Неприкосновенный запас*. 2004. № 5. С. 79–87.
34. Arnold B. Pseudoarchaeology and Nationalism: Essentializing difference // *Archaeological Fantasies: How pseudoarchaeology misrepresents the Past and Misleads the Public*. New York, 2006. P. 154–179.
35. Мескелл Л. Места насилия: терроризм и наследие в археологическом настоящем // *Этнографическое обозрение*. 2013. № 1. С. 69–88.
36. Кимеев В.М., Шурин Ю.В. Этоархеологический комплекс бассейна реки Мрассу // *Археология Южной Сибири*. К 80-летию Я.А. Шера. 2011. № 25. С. 192–198.
37. Михайлов Д.А. Алтайский национализм и археология // *Этнографическое обозрение*. 2013. № 1. С. 37–51.

Статья представлена научной редакцией «История» 23 марта 2015 г.

ARCHAEOLOGICAL PLACE OF SOCIAL MEMORY

Tomsk State University Journal, 2015, 394, 121–126. DOI 10.17223/15617793/394/20

Mikhailov Dmitriy A. Siberian Branch of Russian Presidential Academy (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: damihan@yandex.ru

Keywords: archeology; social memory; pseudoscience; nationalism.

The article characterizes the determinants of the mobilizing potential of archaeological sources and considers the role of archeology in the formation of social memory. The determinants of mobilizing potential archaeological sources; characterized the role of archeology in the formation of social memory. From the point of view of social reality construction, the identification of archaeological sources of a social organism and the establishment of their direct link with a modern community are of great importance. An indicative tool inherent to pseudoscientific works was monism, expressed in the identification of linguistic, cultural, racial, genetic phenomena with archaeological sources, and allowing to construct arbitrary sociological reconstructions. Conventionality of archaeological places of social memory is due to the fact that historical events, for which there is no national consensus, are always closely related to the current political context, and their conflicts will fade away with time. Archaeological sources may only be a thing, which facilitates their perception. Their historical and social significance seems obvious and compelling. Materiality determines the possibility of routinization of archaeological sites of social memory. Another feature of archaeological sites simplifies their routinization as places of social memory: they tend to be geographically referenced and clearly inscribed in the historical and cultural landscape. Thus, archaeological sites of social memory due to their ability to objectify social phenomena, regularity, prestige, conventionality and triviality allow to keep the subject in a political community gravity field with particular ideological force. This means that the historical interpretation of archeology can not be considered outside the socio-political context. As the current methodology does not make rigid boundaries between historical consciousness and social memory, problems of pseudoscience are inevitably relevant. Inability to obtain refined historical knowledge makes archaeologists address the issues of professional ethics in recent years.

REFERENCES

1. Silberman N.A. *Between Past and Present: Archaeology, Ideology, and Nationalism in the Modern Middle East*. New York: Henry Holt, 1989.

2. Diaz-Andreu M.A. *World history of Nineteenth-Century Archaeology, Nationalism, Colonialism, and the Past*. Oxford; New York, 2007.
3. Silberman N.A. *Promised lands and chosen peoples: the politics and poetics of archaeological narrative*. In: Kohl Ph.L., Fawcett C. (eds.) *Nationalism, Politics, and the Practice of Archaeology*. Cambridge, 1995, pp. 249–262.
4. Kohl Ph.L., Kozelsky M., Ben-Yehuda N. *Introduction*. In: Kohl Ph.L., Kozelsky M., Ben-Yehuda N. (eds.) *Selective Remembrances: Archaeology in the Construction, Commemoration, and Consecration of National Pasts*. Chicago, 2007, pp. 1–31.
5. Hassan F.A. *Memorabilia. Archaeological materiality and national identity in Egypt*. In: Meskell L. (ed.) *Archaeology Under Fire. Nationalism, Politics and Heritage in the Eastern Mediterranean and Middle East*. London, 1998, pp. 200–216.
6. Wilk R.R. The Ancient Maya and the Political Present. *Journal of Anthropological Research*, 1998, v. 41, 3, pp. 307–326.
7. Van Dyke R.M., Alcock S.E. *Archaeologies of Memory: An Introduction*. In: Van Dyke R.M., Alcock S.E. (eds.) *Archaeologies of Memory*. Oxford: Wiley-Blackwell, 2003, pp. 1–15.
8. Shnirel'man V.A. Rossiyskaya shkola i natsional'naya ideya [Russian school and the national idea]. *Neprikosnovennyi zapas*, 2006, no. 6, pp. 232–249.
9. Boric D. *Introduction: Memory, archaeology and the historical condition*. In: Boric D. (ed.) *Archaeology and Memory*. Oxford: Oxbow Books, 2010, pp. 1–35.
10. Tosh J. *Stremlenie k istine* [The Pursuit of History]. Translated from English. Moscow: Ves' mir Publ., 2000. 296 p.
11. Repina L.P. *Pamyat' i istoriopisanie* [Memory and historiography]. In: Repina L.P. (ed.) *Istoriya i pamyat': Istoricheskaya kul'tura Evropy do nachala Novogo vremeni* [History and Memory: Historical culture of Europe before modern times]. Moscow: Krug" Publ., 2006.
12. Megill A. *Istoricheskaya epistemologiya* [Historical epistemology]. Moscow: Kanon, 2007.
13. Lotman Yu.M. *Vnutri myslyashchikh mirov. Chelovek-tekst-semiosfera-istoriya* [Inside thinking worlds. Man-text-semiosphere-history]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury Publ., 1996. 464 p.
14. Assmann J. *Kul'turnaya pamyat'* [Cultural memory]. Translated from German. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2004. 368 p.
15. Lowenthal D. *Proshloe – chuzhaya strana* [The past Is a Foreign Country]. Translated from English by A.V. Govorunov. Moscow: Vladimir Dal' Publ., Russkiy Ostrov Publ., 2004. 624 p.
16. Nora P. Between Memory and History: Les Lieux de Mémoire. *Representations*, 1989, no. 26, pp. 7–24.
17. Repina L.P. *Kontseptsii sotsial'noy i kul'turnoy pamyati v sovremennoy istoriografii* [The concept of social and cultural memory in contemporary historiography]. In: Savel'eva I. M., Poletaev A. V. (eds.) *Fenomen proshlogo* [Phenomenon of the past]. Moscow: GU-VShE Publ., 2005, pp. 122–170.
18. Billig M. Povsednevnoe napominanie o Rodine [A gentle reminder of the homeland]. *Logos*, 2007, no. 1 (58), pp. 34–71.
19. Berger P., Luckmann T. *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti* [The Social Construction of Reality]. Translated from English by E. Rutkevich. Moscow: Medium Publ., 1995. 323 p.
20. Shnirel'man V.A. Prezidenty i arheologiya, ili chto ishchut politiki v drevnosti: dalekoe proshloe i ego politicheskaya rol' v SSSR i v postsovetskoe vremya [Presidents and archeology, or what are politicians looking for in antiquity: the distant past and its political role in the Soviet Union and in the post-Soviet era]. *Ab imperio*, 2009, no. 1, pp. 279–325.
21. Klesov A.A., Tyunyaev A.A. *Proiskhozhdeniye cheloveka (po dannym arheologii, antropologii i DNK-genealogii)* [The Descent of Man (according to archeology, anthropology and DNA genealogy)]. Moscow: Belye al'vy Publ., 2010. 1024 p.
22. Goulden M., Balmer A.S. *Almost Human: Scientific and Popular Strategies for Making Sense of "Missing Links"*. In: Bauer S., Jessen H., Wahlberg A. (eds.) *Contested Categories: Studies of the Life Sciences in Society*. Hampshire, 2009, pp. 181–203.
23. Etkind A.M. *Vnutrennyaya kolonizatsiya. Imperskiy opyt Rossii* [Internal colonization. Imperial Russia's experience]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2013. 448 p.
24. Zorin A.G. *Kormya dvuglavogo orla...* [Feeding the double-headed eagle . . .]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2001. 416 p.
25. Kleyn L.S. *Spor o varyagakh* [The dispute over the Vikings]. St. Petersburg: Evraziya Publ., 2009. 400 p.
26. Rybakov B.A. *Kyivskaya Rus' i kievskie knyazhestva XII–XIII vv.* [Kyivan Rus and Kyivan principalities of the 12th – 13th centuries]. Moscow: Nauka Publ., 1982. 599 p.
27. Mongayt A.L. *Arheologiya i sovremennost'* [Archaeology and modernity]. Moscow: Akademiya nauk Publ., 1963. 112 p.
28. Anderson B. *Voobrazhaemye soobshchestva. Razmysleniye ob istokakh i rasprostraneni natsionalizma* [Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism]. Moscow: Kanon-press-Ts Publ., Kuchkovo pole Publ., 2001. 288 p.
29. Shnirel'man V.A. Museum and the Construction Of Social Memory: A Cultural Studies Approach. *Etnograficheskoe obozrenie – Ethnographic Review*, 2010, no. 4, pp. 8–26. (In Russian).
30. Hamilakis Y. *The Nation and its Ruins: Antiquity, Archaeology, and National Imagination in Greece*. New York, 2007.
31. Okladnikov A.P. *Olen' zoloty roga* [Deer with golden horns]. Khabarovsk: Khabarovskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1989. 208 p.
32. Ferro M. *Kak rasskazyvayut istoriyu detyam v raznykh stranakh mira* [How stories are told to children around the world]. Translated from French. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 1992. 351 p.
33. Shnirel'man V.A. Ocharovanie sedoy drevnosti: Mify o proiskhozhdenii v sovremennykh shkol'nykh uchebnikakh [The charm of antiquity: myths about the origins of modern school textbooks]. *Neprikosnovennyi zapas*, 2004, no. 5, pp. 79–87.
34. Arnold B. *Pseudoarchaeology and Nationalism: Essentializing difference*. In: Fagan G.G. (ed.) *Archaeological Fantasies: How pseudoarchaeology misrepresents the Past and Misleads the Public*. London & New York: Routledge, 2006, pp. 154–179.
35. Meskell L. Mesta nasiliya: terrorizm i nasledie v arheologicheskoy nastoyashchem [Places of violence: terrorism and heritage in the archaeological present]. *Etnograficheskoe obozrenie – Ethnographic Review*, 2013, no. 1, pp. 69–88.
36. Kimeev V.M., Shirin Yu.V. *Eto arheologicheskii kompleks basseyna reki Mrassu* [Ethnoarcheological complex of the Mrassu R. basin/]. In: *Arheologiya Yuzhnoy Sibiri. K 80-letiyu Ya.A. Shera* [Archeology of Southern Siberia. To the 80th anniversary of Ya.A. Sher]. 2011, no. 25, pp. 192–198.
37. Mikhaylov D.A. Altayskiy natsionalizm i arheologiya [Altai Nationalism and archeology]. *Etnograficheskoe obozrenie – Ethnographic Review*. 2013, no. 1, pp. 37–51.

Received: 23 March 2015